

Так дальше продолжаться не может.

Фан Цзянь, следуя за потоком людей, шаг за шагом приближался к русалу, который улыбался ему с такой мягкостью. Ему необходимо было серьезно поговорить с этим парнем. Подобные внезапные появления русала, когда Фан Цзянь уже был уверен, что тот отстал, не приносили никакой радости — лишь испуг.

В конце концов, впечатление, которое этот русал произвел на Фан Цзяня, было отвратительным. Мало того, что из-за него Фан Цзянь поначалу стал главным подозреваемым в убийстве, так тот еще и помогался ему. Мог ли Фан Цзянь это стерпеть? Разумеется, нет. Однако, вспоминая историю с Нило, Фан Цзянь понимал, что русал тогда спас его. Это означало, что существо не собиралось причинять ему вреда, а напротив, было готово прийти на помощь.

Фан Цзянь взвесил все обиды и долги, связывавшие их, и пришел к выводу, что русал еще не окончательно перешел в разряд врагов. С ним можно было объясниться прямо и убедить оставить мысли о принуждении к продолжению рода, чтобы тот спокойно вернулся в свое море и они больше никогда не виделись.

Прохожие, заметив двух необычайно красивых мужчин, поспешно освобождали им дорогу.

С высокого здания часовой башни открывался ясный вид на городские кварталы. Где-то на самом горизонте смутно угадывались очертания академии, в которую Фан Цзянь приехал на обучение.

Такое сокровище нужно было брать нежно, мягко, самыми деликатными способами.

Фан Цзянь положил подаренные цветы на парапет башни, выложенный красным кирпичом, и, слегка прислонившись к нему, повернулся к русалу, который шел следом и не сводил с него глаз:

— Кажется, мы до сих пор не представились друг другу? Меня зовут Фан Цзянь. А как твое имя?

Иначе сердце Сэвэя начинало ныть — тягучей, пронзительной болью, словно от множества мелких иголок.

— Сэвэй, — ответил русал.

Он принял цветы, они остались наедине, обменялись именами... Неужели, неужели он готов его принять?

— Тебе, морскому жителю, должно быть, очень непросто привыкнуть к жизни на суше, — произнес Фан Цзянь.

Для разговора он выбрал самое приметное место — высокую часовую башню. Никаких грубых методов — нельзя допустить, чтобы эти изумрудные, чистые глаза хоть на миг очернились грязью или скверной. Он уже давно решил, что Фан Цзянь принадлежит ему — это его личное, драгоценное сокровище.

Лицо русала покраснело, а лазурные глаза с обожанием и глубокой нежностью следили за Фан Цзянем, облаченным в длинный черный плащ и шляпу.

Голос Фан Цзяня звучал чисто и мягко. Раз уж он затеял этот разговор, нужно было действовать рассудительно и вызывать к чувствам.

Сэвэй сам удивлялся себе. Но стоило ему увидеть Фан Цзяня, его ослепительные золотистые волосы и лицо, которое казалось слишком совершенным для этого мира, как все казалось ему совершенно естественным.

Русал протянул букет прекрасных цветов. Фан Цзянь вежливо принял его, поблагодарил и предложил:

— Найдём место потише, чтобы поговорить?

Сэвэй услышал, как бешено забилося его сердце, и мысли в голове спутались. Каждый раз, когда он видел Фан Цзяня, все его темные помыслы таяли, превращаясь в мягкую нежность. Он не мог вынести мысли о том, что его сокровищу будет хоть немного больно. Он хотел оберегать его, лелеять и заботиться так, чтобы на лице Фан Цзяня не появилось ни единой складочки от беспокойства. Раньше он лишь тайком наблюдал за ним из тени.

Фан Цзянь стоял прямо перед ним.

Такая возможность побыть вдвоем явно заставила Сэвэя понервничать: его лицо горело, а в глубине нежных глаз скрывалось глубокое чувство собственности. Его милое сокровище не любило назойливости. Значит, если он будет появляться лишь время от времени... это ведь не вызовет у него неприязни?

Сэвэй пришел в восторг, его лазурные глаза засияли на солнце. Фан Цзянь беспокоится о нем!

— И спасибо за цветы, они очень красивые и приятно пахнут.

Фан Цзянь похвалил его подарок!

— Превращение хвоста в ноги наверняка требует жертв. Тебе ведь очень больно? — Фан Цзянь произнес заклинание водной магии, которое мгновенно облегчило ноющую боль в ногах, мучившую Сэвэя с тех пор, как он вышел на сушу.

Дыхание Сэвэя участилось, а в его лазурных глазах, до этого светившихся нежностью, вновь промелькнул липкий, жадный блеск.

— Тебе понравился мой подарок?

Сердце Сэвэя пропустило удар. Это длилось лишь мгновение, но для него оно растянулось на целую вечность.

— Н-нравится! — выдохнул Сэвэй.

Нравишься мне!

Как же ты мне нравишься!

Хочу с тобой близости!

Хочу с тобой соединиться!

Хочу вместе с тобой бурлить в океанских глубинах!

Хочу... Хочу... Как же я хочу!

Фан Цзянь не заметил, что от слова «нравится» в его фразе Сэвэй пришел в состояние экстаза. Он лишь думал, что вежливость соблюдена, улыбка на месте, и теперь, когда он сообщит плохие новости, реакция наверняка будет лучше, чем если бы он начал с них прямо с порога.

— Спасибо за все, что ты для меня сделал, я очень ценю это. Но... — Фан Цзянь сделал паузу. — Ради твоего же блага я хочу, чтобы ты вернулся в море. Ты — русал, ты вырос в океане, и это единственное место, где ты будешь чувствовать себя по-настоящему счастливо, привычно и спокойно. Жилища людей находятся в глубине материка. Если ты остаешься здесь только ради меня, это несправедливо по отношению к тебе. Тебе нужна вода, глубоководная вода, а не сухая, твердая земля. Я собираюсь остаться здесь, чтобы вести человеческий образ жизни. Я не могу ответить на твою просьбу о продолжении рода, но я могу стать твоим другом. Когда у меня будет время, я смогу приходить к тебе в глубины океана. Что скажешь?

Сэвэй уловил только то, что Фан Цзянь ценит его, заботится о нем, согласен быть его другом и будет приходить к нему в глубины океана. Сердце русала расцвело, и он выпалил:

— Так мы можем прямо сейчас заняться спариванием?

Фан Цзянь на мгновение лишился дара речи. Ему хотелось одновременно и злиться, и смеяться. Неужели, раз он принадлежит к виду русалок, то совершенно не понимает человеческого языка? Какое еще спаривание? Ему ужасно захотелось ударить эту рыбу так, чтобы она разлетелась на куски.

У Фан Цзяня пропало всякое желание продолжать диалог. Он хотел лишь одного — чтобы это

существо немедленно исчезло из его поля зрения.

Яркое солнце падало на Фан Цзяня, и в глазах Сэвэй он выглядел таким нежным: изумрудные глаза светились лаской, алые губы тронула улыбка, превращая глаза в полумесяцы, полные чистоты и искренности. Сэвэй был опьянен этой прекрасной иллюзией.

— Нет, — отрезал Фан Цзянь. — Нельзя.

Раз он не понимает по-хорошему, не стоит больше церемониться.

— Проваливай.

Фан Цзянь поправил поля шляпы, подхватил свой саквояж и зашагал прочь. Сэвэй не стал его останавливать. Он не смел идти против воли Фан Цзяня — такое прекрасное создание нужно беречь. К тому же, он все еще был погружен в эйфорию от того, что Фан Цзянь его ценит, заботится о нем и хочет быть его другом. Он наивно полагал, что Фан Цзянь просто не хочет спариваться сейчас, а значит, он спросит его снова через некоторое время.

Цветы... Сэвэй посмотрел на букет, оставленный на парапете. Фан Цзянь их не забрал. Он оставил их специально для него?

Сэвэй подошел к краю и взял букет. Он застенчиво подумал: Фан Цзянь подарил ему цветы! Он будет слушаться его. Фан Цзянь сказал, что не любит навязчивости, и пообещал, что они будут вместе в глубинах океана. Сэвэй будет тихо наблюдать за Фан Цзянем, он будет защищать его. Это его сокровище. Его самое ценное, принадлежащее только ему сокровище, с которым нужно обращаться максимально нежно.

Сэвэй вдохнул аромат цветов. Он сжал стебли в своих крупных белых руках так сильно, что длинные ногти прорвали упаковочную бумагу, издав резкий звук.

Думая о Фан Цзяне, Сэвэй подошел к тому месту, где тот только что стоял, подставляя лицо тем же солнечным лучам. В его лазурных глазах отразилось болезненное, безумное обожание. Он открыл алые губы, обнажив острые зубы, и начал медленно, с наслаждением пережевывать прекрасные цветы один за другим. Сок стекал по его подбородку, а лепестки разлетались в стороны.

Сэвэй съел их вместе с колючими стеблями. Острые шипы не могли поранить его крепкую кожу, лишь щекотали, доставляя своеобразное удовольствие. Он присел, тщательно собирая упавшие на пол лепестки, и, глядя на них, подумал, что они невероятно милы. Проглотил их с таким же умилением.

Затем он достал магический хрустальный шар и с одержимым взглядом уставился на изображение, появившееся внутри.

— Фан Цзянь — мой.

Фан Цзянь только что закончил оформление документов в академии. Это магическое учебное заведение было первым в мире людей. Разнообразие специальностей, уровень преподавателей, практическое обучение — все было на высшем уровне. Студенты здесь были либо из знатных семей, либо обладали выдающимся талантом, либо были приглашенными учениками из других рас.

Фан Цзянь с нетерпением ждал начала учебы. Однако после поступления жизнь стала настолько насыщенной, что он вскоре забыл о глупом русале. Он с головой ушел в изучение магии, почти ни с кем не общаясь. Это привело к тому, что, хотя при поступлении его красота и сила произвели фурор, его скрытный образ жизни позволил всем быстро о нем забыть.

В этой академии большинство студентов были выходцами из высших слоев общества, поэтому титул сына герцога никого не удивлял, а невероятная красота Фан Цзяня стала лишь легендой — многие считали, что это просто преувеличенные слухи. Что же касается его силы, то достижение уровня великого мага сразу после совершеннолетия в его родном мире было сродни получению Нобелевской премии. Здесь же это воспринималось как небылица.

В начале семестра руководство академии встретилось с Фан Цзянем лично. Его способности были настолько пугающими, что они решили во всем следовать его желаниям. Хотя ему и предложили несколько наставников, Фан Цзянь отказался.

— Я буду рад дружескому обмену опытом с вашими преподавателями, — сказал он, — но изучение магии для меня — дело сугубо личное. Прошу позволить мне доступ в Магическое книгохранилище, думаю, это будет моим лучшим наставником.

Его просьбу легко удовлетворили. Руководство было поражено его молодостью, красотой и невероятным талантом, поэтому не смело ему перечить. С тех пор Фан Цзянь все время проводил в Магическом книгохранилище. В отличие от обычной библиотеки, оно было открыто только для магов высокого уровня и воинов. Книги там были очень древними, а людей — крайне мало. По крайней мере, Фан Цзянь почти никого там не встречал.

В этот день он получил магическое сообщение от администрации:

— Уважаемый магистр Фан Цзянь, академия проводит практические учения для студентов 4189-го набора, приглашаем вас принять участие.

<http://bllate.org/book/22205/2315035>